

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ,

*доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы
(Москва), руководитель Института демократии и сотрудничества (Париж)*

РЕКА ВСЕЛЕНСКОЙ ИСТОРИИ

Фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Уроки Византии» вдруг приподнял современного человека над его сиюминутными целями и пронес над веками, приоткрыв, куда течет река вселенской истории. Как же непросто оказалось нынешнему «интеллекту» принять саму дерзость – заставить Его Величество Индивида, суверенного и независимого от всех религиозных, нравственных и общенациональных ценностей, взглянуть на его путь с высоты истории! Современный человек предпочитает видеть только отведенный ему крошечный изгиб реки и не думать о том, что за поворотом. А когда ему пытаются показать в панораме весь неспешный поток вечного искания смысла жизни человечеством, указать на истоки и перспективу, он затыкает уши, закрывает глаза. Далеко не каждому такая ответственность по плечу, ибо обнажает, что индивидуальная жизнь с её целями и ценностями влияет на направление общечеловеческой истории.

Этим во многом и объясняется та истерика, разразившаяся в либеральных СМИ после выхода фильма. Слишком уж несовместим его призыв с царствующими в этой среде стереотипами. Атомизация – черта современного сознания, которому свойственно отгораживаться от великих вопросов и замыкаться на потреблении. Именно это вызвало яростное отторжение, а вовсе не плакатность и схематичность, неизбежные в фильме-притче. Нищета мировоззрения и даже невежество российских постсоветских западников, особенно кумиров рубежа 80–90-х – «прорабов перестройки», были продемонстрированы уже той поверхностностью прочтения фильма, на которую оказались только и способны «учителя прогресса».

Пожалуй, они и классическую литературу вряд ли понимают во всей ее полноте, ибо давно утратили всякую связь с подлинной культурой, которая своим истоком имеет пламенное желание человека переживать и воплощать великие понятия добра и зла, истины и лжи, красоты и уродства, греха и добродетели. Наверняка они и не подозревают, что пролог к гетевскому Фаусту – это в художественной форме Книга Иова, а Пушкин с его «здесь барство дикое без чувства, без Закона...» болеет не о «правовом» государстве – «законе и конституции», а о пренебрежении Законом Божьим – нравственным...

Либералы увидели в фильме лишь параллели между олигархами сегодняшней России и сильными мира византийского, лишь термины «стабфонд» и «преемник» и приписали фильму то содержание, которое захотели увидеть, чтобы обрушиться на Церковь, которая, мол, в тоталитарном порыве призывает крепить ряды вокруг действующего президента и его преемника и заигрывает с властью. Но вряд ли можно назвать лезть почти дерзкое предупреждение о том, что при разложении элиты и утрате гражданского чувства, высшего смысла бытия не помогут ни удачные преемники, ни какие-либо другие меры.

В “Византийском уроке” они не видят УРОКА.

А в фильме путь, судьбы отдельной личности сопрягаются с руслом истории человечества, которое может повернуть то к взлету, то к упадку. Это русло способно размываться и меняться в зависимости от наших поступков. Такое осознание обременено ответственностью, осложняет жизнь. Но из всех земных существ лишь человек имеет историю, один он в своих поступках руководим не только сиюминутными обстоятельствами жизни, но и пониманием той роли, которую он призван выполнить в истории, служа своей личной жизнью осуществлению ее общих задач, связующих все прошедшее человечества со всем будущим. Только человек имеет и летопись, и предание наряду с собственными понятиями о своих исторических задачах и своих исторических обязанностях. Тот, кто хочет иметь будущее, обязан извлекать уроки из исторического опыта.

И все же какое впечатление произвел фильм! Его обсуждают даже в трамваях и на рынках, ибо огрубевший и погрязший в быте народ, которого потчуют “аншлагом”, не утратил чутья к большим вопросам. Тем-то и раздражает фильм критиков, чьи придирки к деталям и упреки в схематизме беспомощны и малосущественны. Современный жанр фильма-экскурса, фильма-экстраполяции позволил дать глубокие и лаконичные ориентиры.

Однако невежество и искаженность евроцентрического зеркала, в котором преподавалась история в XX веке, сделали свое дело: многое из подлинной истории кажется невероятным, притянутым, искаженным. Хотя термины в фильме, над которыми подсмеиваются критики, полагая, что они искусственно опрокинуты из сегодняшнего дня в прошлое, как раз и пришли к нам из глубокой древности. “Олигархия” – власть группы, сопровождаемая всегда охлократией – властью толпы, управляемой через обработку сознания, – термин, введенный в оборот еще Аристотелем и Полибием 22 века назад. “Только совсем не знакомому с историей Византии могут показаться наивной модернизацией те “реперные точки”, которые выбрали авторы фильма для проведения исторических аналогий, – говорится в единственной глубокой статье о полемике вокруг фильма архимандрита Тихона. – Олигархи, преемники, диссиденты и шпионы были абсолютно органичными понятиями для Византийской империи. К примеру, в империи не было системы наследования престола членами семьи, по праву родства, но зато император мог подобрать и воспитать себе “преемника”, были и соправители, и могущественные клики, и придворная камарилья, словом, все то, что следует за властью и деньгами. А мы что же – думали, что все это случается с нами впервые в истории?”¹

Из сознания человека изъято вселенское значение Византийского наследия. И потому современнику кажется таким удивительным и неправдоподобным, что в течение полутора тысяч лет Византия была культурной метрополией мира, а Запад – его задворками, где царили грубость нравов, грязь, вонь, а нечистоты плыли прямо по улицам. Но это было так. Дочь византийского императора Комнина Анна описывала западных варваров так, как в XIX веке выглядело бы нашествие ковбоев в изысканный парижский салон. А европейские короли еще во времена д’Артаньяна мылись дважды в жизни: при рождении и положении во гроб². Но не только Константинов град был солнцем культуры, но и киевско-русская культура, вопреки скепсису наших западников, была куда выше западной. Древний Киев был одним из самых богатых и культурных городов Европы, на западе которой, по словам крупнейшего французского историка школы Анналов Жака Ле Гоффа, “варвары вели убогую жизнь в примитивных и жалких местечках (западные “города” насчитывали лишь несколько тысяч жителей, и городская цивилизация была там неизвестна)”. Дочь Ярослава Мудрого Анна, выданная замуж за французского короля, до конца своих дней была при французском дворе единственной персоной,

¹ http://www.stoletie.ru/kultura/vizantiskoe_preduprezhdenie.htm

Статья на сайте “Столетие” дает блестящий историко-философский анализ судьбы византийского наследия для славян и России, приводит цитаты из замечательных и забытых книг и объясняет не понятый многими тезис архимандрита Тихона о нации.

² В мемуарах графа Сен-Симона описаны нравы, антисанитария и смрад немых тел во время балов у Людовика XIV – “короля-Солнце”, как слуги выгребали совками нечистоты из темных коридоров Лувра, куда нельзя было ступить без светильника, ибо графы “Рошфоры” и “де Гиши” там испражнялись.

умевшей читать и писать. Ее супруг – король ставил крестик, а киевская царица знала греческий, славянский и латынь и подписывалась Анна.

Средневековый мир Запады, как пишет Ле Гофф в книге “Цивилизация средневекового Запады”, был “итоком конвергенции римских и варварских структур, преемником не Римской империи, а ее заката, и не только для византийцев, но и для мусульман интеграция в западный христианский мир означала бы упадок, переход на более низкую ступень цивилизации”. А вот что пишет Арнольд Тойнби – патриарх британской историографии: “В экономическом и культурном отношении ислам подарил искусство цивилизации грубому, неотесанному латинско-христианскому миру”. Всплеск науки, техники, мысли на Западе связан действительно с бегством из разрушенной Византии обрванного слоя.

Это для многих неудобная правда, как и резкое невиданное обогащение Запады в результате ограбления Византии. До сих пор недооценивается масштаб вывозимых “караванами” из Византии, и затем – “каравеллами” из Южной Америки в период Конквисты богатств, равных трудам поколений за несколько веков.

Два тысячелетия христианства не породили в западном сознании универсализма, свойственного столь разным размышлениям В. Соловьева и А. Хомякова. В мировой европоцентристской общественной мысли титаны только западноевропейского Возрождения и Просвещения представлены выразителями и двигателями общечеловеческого начала. Но они оказывались исполнены нигилизма ко всему неевропейскому. Архетипическое пренебрежение к “восточным варварам”, перенесенное на соперничающий образ в христианской истории (Византию и ее наследников) питало идеологию не только в период натиска на Восток Священной Римской империи. Мыслители Возрождения, когда речь заходила о сопернике, также теряли вселенский подход. Гуманист и поэт Франческо Петрарка поздравляет “Дожа и Совет Генуи” после очередного разграбления Византии купцами-пиратами, высказывая свое удовлетворение погромом “лукавых малодушных гречишек”, выражая пожелания, чтобы “позорная их империя и гнездо заблуждений были выкорчеваны” генуэзцами через “возмездие, не к добру зятанутое всем католическим народом”. У него можно обнаружить и некоторые настроения, вовсе не приличные для “столпа” общечеловеческих ценностей: Петрарка выражает отвращение к “скифским мордам, наводнившим его родной город” – христианам – славянам, проданным турками в рабство. Как блистательно ответил Петрарке русский поэт Юрий Кузнецов!

ПЕТРАРКА

И вот непривычная, но уже нескончаемая вереница подневольного люда того и другого пола омрачает этот прекраснейший город скифскими чертами лица и беспорядочным разбродом, словно мутный поток чистойшую реку; не будь они своим покупателям милее, чем мне, не радуй они глаз больше, чем мой, не теснилось бы бесславное племя по здешним узким переулкам, не печалило бы неприятными встречами приезжих, привыкших к лучшему картинам, но в глубине своей Скифии вместе с худою и бледною Нуждой среди каменистого поля, где ее (Нужду) поместил Назон, зубами и ногтями рвало бы скудные растения. Впрочем, об этом довольно.

Петрарка. Из письма Квидо Сетте, архиепископу Генуи. 1367 г. Венеция.

*Так писал он за несколько лет
До священной грозы Куликова.
Как бы он поступил – не секрет,
Будь дана ему власть, а не слово.*

*Так писал он заветным стилем,
Так глядел он на нашего брата.
Поросли б эти встречи былъем,
Что его омрачали когда-то.*

*Как-никак, шесть веков пронеслось
Над небесным и каменным сводом.
Но в душе гуманиста возрос
Смутный страх перед скифским разбродом.*

*Как магнит, потянул горизонт,
Где чужие горят Палестины.
Он попал на Воронежский фронт
И бежал за дворы и овины.*

*В сорок третьем на лютном ветру
Итальянцы шатались, как тени,
Обдирая ногтями кору
Из-под снега со скудных растений.*

*Он бродил по тылам, словно дух,
И жевал прошлогодние листья.
Он выпрашивал хлеб у старух —
Он узнал эти скифские лица.*

*И никто от порога не гнал,
Хлеб и кров разделяя с поэтом.
Слишком поздно других он узнал.
Но узнал. И довольно об этом.*

Можно было бы счесть расизм Петрарки случайным проявлением сугубо личных склонностей, однако в эпоху Просвещения И. Г. Гердер, представитель немецкого идеализма, вскользь — всегда вскользь! — пишет об “омерзительной византийской истории”. Гегель, венчая западноевропейскую философскую мысль, в своей “Философии истории” наделяет лишь Запад правом “свободно творить в мире на основе субъективного сознания”, не найдя кроме него “всемирно-исторических народов”. Если не враждебность, то равнодушие к иным культурам, незнание культурного наследия внутри самого христианства пронизывают западноевропейское историческое мышление и сегодня.

Еще более раздражающе действует на постсоветских западников фильм, напоминая о совершенно неоспоримом факте полнейшего равнодушия Запада к гибели половины христианского мира. Запад, движимый ревностью и своекорыстием, думал куда более о том, как извлечь из крушения Византии политические выгоды и стать первым. И этого не меняет тот факт, что, защищая Константинополь, вместе с византийцами отдали жизнь отдельные латиняне. И во время грозы над Византией — христианской сестрой, и сегодня по отношению к сербам разве не повторяется одно и то же: “Хотите покровительства, идите в подчинение!” — почти дьявольское искусительство: “Видишь царствие сие, поклонись мне, и будет все твое...”

Россия должна знать, что Византия — наша прамактерь. А потому правда о величии и движении к упадку должна быть нам дана во всем объеме не только ради праздного любопытства. Признанный знаток всемирной истории А. Тойнби прямо признавал, что Россия чужда Западу не из-за мнимых экспансионистских устремлений. “Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской “варварской отметиной” была Византийская цивилизация восточно-православного христианства”, — признает Тойнби, который и опровергает “бытующее на Западе понятие, что Россия — агрессор”.

Отрицание Западом пути России связано с разным отношением к сути христианства — преодолению искушения хлебом и властью и заповедям Блаженств. Разное понимание человека и Божественного замысла о нем на земле проявило разные толкования свободы — “от чего” на Западе, “для чего” в России. Именно в этом источник “дилеммы Россия и Европа”, что встает на каждом переломе эпох. Попытка вовлечения России в глобальный проект унификации мира под знаменем “вселенской” — одинаковой для всех — либеральной демократии уже слишком напомнила драму и утраты России при столкновении с первой универсалистской идеей XX века под флагом марксизма.

Трудно избавиться от впечатления, что и истерика по поводу фильма прикрывает на самом деле панический страх перед самой мыслью о морально санкционированной дискуссии о месте России в мире. Но критики фильма не способны на серьезную дискуссию и предпочитают цепляться к деталям. На самом деле они боятся дискурса в широких историко-философских категориях. Н. Я. Данилевский уже описал с сарказмом их “кредо”: “Разве Европою не выработано окончательной формы человеческой культуры, которую остается только распространять по лицу земли, чтоб осчастливить все племена и народы? Разве не пройдены все переходные фазисы развития общечеловеческой жизни, и поток всемирно-исторического прогресса, столько раз срывающийся в подземные пропасти... не вступил, наконец, в правильное русло, которым остается ему течь до скончания веков, наполняя все народы и поколения, увлажняя и оплодотворяя все страны Земли? Несмотря на всю странность такого взгляда, который в подтверждение свое не может найти решительно ничего, таков, однако же, исторический догмат, в который верует огромное большинство современного образованного человечества. Что в него верует Европа – в этом нет ничего удивительного, это совершенно сообразно с законами человеческого духа. Только та деятельность и чувства плодотворны, которые не сомневаются в самих себе и считают себя окончательными и вечными...”¹

Эти последние слова надо было бы осознать: плодотворна деятельность только тех, “которые не сомневаются в самих себе”. Именно нигилизм российских западников делает их деятельность для России абсолютно безблагодатной, хотя всем ясно: России нужна и оздоровительная чистка политической системы, и демократия. И совсем не нужно ненавидеть Запад. Надо просто любить Россию, ибо так любит человек мать свою, а не чужую, хотя та, может быть, красивее, моложе, образованней и, как сейчас модно говорить, успешнее. Но пора давно отличать демократию – механизм организации общества через представительство всех его идейных и реальных секторов – от либерализма, давно выродившегося в рабство плоти и гордыни, неспособное родить ни культуру, ни подлинную свободу духа, ни прав.

Пора и признать, что для многих цивилизаций соприкосновение с Западом приводит к их деградации и даже исчезновению. А. Тойнби, которого приходится цитировать, ибо для наших западников, увы, лишь мнение иностранца авторитетно, честно признавал: “Западная цивилизация имеет своей целью не больше и не меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде, и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями – Православно-христианским миром, Индуистским и Дальневосточным”.

“Византийский урок” в том, что побуждает задуматься не только о России и Европе, но и глубже – о России и *мире*. Противостояние XX века перешло в XXI век, не только обнажив и обострив преемственные геополитические противоборства. Дилемма “Россия и Европа” не преодолена именно самой Европой, которая построила свой рай на земле, но так и не избавилась от нигилизма к русской истории, неуверенности перед громадностью, потенциальной самодостаточностью России, а главное, перед ее вечно самостоятельным поиском универсального смысла бытия.

Что уже говорить об удручающе оскудевших образованием эпигонов! Для постсоветского либерального сознания, оторванного всем образованием и идеологией не только от преемственной русской православной культуры, но и от подлинной западноевропейской культуры, стократно верно определение С. Булгакова несложненькой философии истории среднего российского образованца: “Вначале было варварство, а затем воссияла цивилизация, то есть просветительство, материализм, атеизм...” Однако кроме либерального плода, выросшего на ветви Просвещения, европейская цивилизация, как пытался обратить внимание Булгаков, имеет не только многочисленные ветви, но и корни, питающие дерево, обезвреживающие своими здоровыми соками многие ядовитые плоды. Эти корни – христианство. Поэтому даже опасные учения, если они уравновешены другими могучими духовными течениями, не

¹ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. СПб., 1995, стр. 56–57.

имеют столь губительных последствий, **“нежели когда они появляются в культурной пустыне и притязают стать единственным фундаментом”**.

Но по пылкому суждению Ивана Ильина, отечественные нигилисты отвергают Россию “за то же самое, за что они отвергают христианство”. Именно к ним весьма подходят ильинские слова, что они судят о России с ницшеанской точки зрения, отвергая христианство как выдумку, а “Россию как страну рабов, пошедших за ней в желании упорно увековечить деспотию и варварство”. Россия для них – “это славянское ничто, жаждущее немедленного всеразрушения и прикрывающееся учением апостола Павла об избрании благодати; утешающееся вместе с рабами, отверженными и прокаженными мировой истории тем, что все равно-де последние будут первыми”.

Так является ли Россия частью Европы? – Конечно. Но что есть Европа сегодня, вчера, в прошлом? Россия и Европа были более всего едины дважды: изначально до Просвещения и в XX веке – в период коммунизма. И это не парадокс.

На чем зиждется общеевропейское единство, ведь мы почему-то не задумываемся о родстве с Востоком? Где впервые дана идея универсальных целей и ценностей личного и всеобщего бытия? – В американской конституции? – Нет, – **в христианском Откровении**. Что прежде всех конституций объединяло немцев и сербов, французов, англичан и русских в одну цивилизацию? Опыт последнего столетия скорее разъединяет, как и природные условия и уровень быта. **Но объединяет – “Отче наш”, Нагорная проповедь**, – вот общий фундамент нашей культуры и истории. А в нем – отношение к земной жизни как испытанию для жизни вечной, в нем – свобода воли (христианская, а вовсе не либеральная категория), дарованная вместе со способностью различить добро и зло, а значит, дать нравственную оценку своему свободному выбору. Прямо из христианства родилась и сама идея этического равенства людей, ибо впервые царь и раб были судимы по одним критериям в отличие от языческого: “что дозволено Юпитеру, не дозволено быку”.

Спор о первенстве в обладании Христовой истиной (“великая схизма”) разделил Европу и Россию, но отнюдь не сделал их разными цивилизациями. Романо-германская и русская православная культуры стали двумя опытами и дали разный ответ на главный вопрос христианской истории – **преодоление искушения плоти хлебом и гордыни – властью**. Разделил их вольтерьянский хохот. И на пороге XX века, когда персонажи Золя уже теснили героев Шиллера, когда Европа, по выражению К. Леонтьева, “сама в себе уничтожила все великое, изящное и святое”, Россия не была частью цивилизации, что выросла из Декартова рационализма, идейного багажа Французской революции и протестантской этики мотиваций к труду и богатству.

Революционная интеллигенция бросилась догонять. Россия опять по-иному выразила даже отступление от Бога: гетевский Фауст – воплощение скепсиса горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии, а Иван Карамазов – дерзкий вызов Богу русской гордыни, не желающей терпеть поущение зла на земле. Демоны индивидуализма и бесы социальности – вот кто яростно столкнулся в XX веке, при этом равно унаследовав извечные западные фобии в отношении Православия и России, рядившиеся в разные одежды, но единые для папства и безбожника Вольтера, для маркиза А. де Кюстина и К. Маркса, для В. Ленина и для постсоветских западников – “царизм”, “русский империализм”, “филофейство”, “византизм”, “варварство варягов”.

Так дилемма “Россия и Европа” органично вошла в новую “великую схизму” эпохи постмодерна, в которой соперничали идеи опять из одного родового гнезда – на сей раз Просвещения. Коммунизму и либерализму – кузенам, детищам философии прогресса – равно свойственны универсализм, отождествление с вселенскими идеалами, да и общность цели при разнице средств налицо: униформное глобальное сверхобщество на безрелигиозных безнациональных стандартах. “Идеологическая борьба” уподобилась религиозной войне католиков и протестантов, ибо применение западного коммунизма на русской православной почве сделало его в глазах Запада куда более опасной идеей, чем любой гипотетический коммунистический эксперимент на самом Западе (А. Тойнби).

Острота холодной войны была подстегнута восстановлением территории Российской империи и грубостью третьесословной *liberté* и пролетарской

[galit]. Техасские президенты и генсеки, воспитанные не на Моцарте, а на вестерне и на “Шурике”, очень далеки от князя Меттерниха и князя Горчакова, и вместо “la Russie se recueille” показывали “кузькину мать” и стиль Рэмбо. В остальном – ни американское вторжение на Кубу, ни советское в Венгрию и Чехословакию не явили ничего нового, но отождествление себя с морально-этическими канонами универсума делало соперника врагом света.

Что же сегодняшние Европа и Россия?

Грустно ощущать себя в Совете Европы единственной, еще знающей баллады Шиллера наизусть, и слушать истматовское доктринерство комических лордов про троцкистские “соединенные штаты Европы” и мира. Это ли не нигилистическая пародия на Европу Петра, которая возрела и являла миру великие державы и культуру, когда вера, отечество, честь, долг, любовь – были выше жизни. И каково же историческое чутье Пушкина, который “познал истину”, “сделавшую его свободным” (Ин, 8, 32) и который двести лет назад опознал пустоту свободы внешней при утрате свободы внутренней: “Недорого цену я громкие права, от коих не одна кружится голова”. Ныне “суверенным” в плену плоти и гордыни индивидам чужды Декартовы “страсти души”, их удел – гедонизм и нарциссизм. Кариес зубов и выбор пасты – вот что сегодня смысл жизни “демоса”, слепо уверенного в своей мнимой “кратии”, хотя за спиной охлоса судьбами мира вершит всеильная олигархия. Ее же родина там, где ниже налоги. . .

Поистине, русский интеллигент прошлого, околдованный улыбкой Джондны и шекспировскими страстями, блеском картезианской логики и жадной познания Гете и павший перед заклинанием “свободы, равенства и братства”, увидел бы в III тысячелетии лишь каббалистические столбики Internet и всеилие банковского процента – вот подлинный хозяин “liberté”, крушитель цивилизаций и могильщик великой европейской культуры.

На фоне впечатляющих перспектив территориального роста Евросоюза “Старая” Европа утрачивает себя как исторический проект. Мир в сознании сегодняшнего европейца – не более чем гигантское хозяйственное предприятие для удовлетворения плоти индивидов, напоминающих ξ из антиутопии О. Хаксли. Европейская конституция – скучнейший образчик творчества либерального “Госплана” – своим сугубым материализмом подтверждает сарказм философа К. Шмитта о единстве Марксового и либерального экономического догматизма: “Картины мира промышленного предпринимателя и пролетария похожи, как братья-близнецы, – это тот же идеал, что у Ленина – “электрификация” всей земли. Спор между ними ведется только о методе”.

В разделе “ценности” вообще не перечислены оные – лишь функциональные условия для них; только этим и являются “священные коровы” либерализма XXI века – “права человека”, “свобода” и “демократия”. Вне ценностей они остаются лишь провозглашением кредо не иметь никакого нравственного целеполагания жизни и истории. Так для чего же Европе нужна Свобода? Чтобы “гнать перед собой врагов и грабить их имущество”, как определил высшее благо Чингисхан? Или чтобы спастись “алчущим и жаждущим правды” (Нагорная проповедь)? Но в европейских институциях вольтерьянцы освистывают редких, готовых “быть изгнанными правды ради”. Свобода совести ограничена исключительно **правом объявлять порок и добродетель, добро и зло равночестными.**

Ценностный нигилизм – и есть конец истории. Поэтому для Европы заканчивается эпоха культуры как порождения духа. Остается технократическая цивилизация. Это уже не метафизический “Рим” – незримый центр, где свершается всемирно-историческое, это Рим языческий с его паническим страхом перед физическим несовершенством, старением и смертью. Но такой Рим со всем его материальным превосходством – водопроводом, термами, Колизеем и Форумом – уже был сметен Аларихом вестготским. Сегодня технократия бессильна перед мигрантами вовсе не потому, что их много и они иные, а потому, что у нее нет святынь – одни компьютеры и “права”, которые мигранты заполняют своими святынями.

Что же Россия? Мир все еще ждет, что скажет страна Достоевского на вызовы XXI столетия. Между тем идейные гуру перестройки прорыдали: “Рынок, PEPSI”. Незамысловатость их “исторического” проекта объяснима: цель – привычно материалистична, тезис о “переходе от тоталитаризма к демократии” – копия постулата научного коммунизма: “главное содержание нашей

эпохи – переход от капитализма к социализму”. Но кто же спорит о достоинствах рынка и необходимости демократии? Просто это всего лишь инструмент, а не историческая перспектива.

Хотя в 1917 году Православие в России попытались распять и заковать в цепи, оковы рухнули, и оскудевший, но живой его дух высвободился. Вот и идет все еще в России – единственной во всей Европе – подлинно **исторический** спор, живем ли для того, чтобы есть, или едим, чтобы жить, и зачем живем... Пока это волнует, не будет конца истории. А будущее России – это будущее Европы. Но, похоже, Европа, как и во времена Пушкина, “в отношении России столь же невежественна, сколь и неблагодарна”.